

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

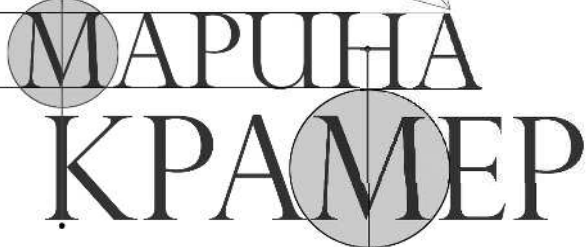
Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Тайны взрослых девочек
Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес

Сериал «Клиника»

Силиконовая надежда
Пластика для души
Хирургия мести

The title 'МАРИША КРАМЕР' is rendered in a large, black, serif font. The letter 'М' in 'МАРИША' and the letter 'М' in 'КРАМЕР' are each enclosed within a grey circle. A thin horizontal line passes through the middle of the text. In the upper right corner, there are several geometric shapes: a large tetrahedron, a smaller tetrahedron, and two small triangles, all in a light grey, wireframe style.

МАРИША
КРАМЕР

ХОЗЯЙКА ЖИЗНИ,
ИЛИ ВЕНДЕТТА
ПО-РУССКИ

Москва

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *Т. Масленникова*

Крамер, Марина.

К77 Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски /
Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2019. —
352 с. — (Закон сильной. Криминальное соло
Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-103827-4

Тихая жизнь в Англии. Бизнес в Бристоле. Рядом подрастающий сын и преданный любовник. А тоска все равно гонит ее в Россию, туда, где неукротимую Марину Коваль давно считают погибшей. Отговорить ее от того, что она задумала, не удалось еще никому, и, разумеется, она придет, и не одна, а с верным Жекой Хохлом и пятилетним Егоркой. Только теперь главная опасность грозит не ей, а Хохлу. Впервые в жизни Коваль предстоит понять, что это такое — отвечать за тех, кого любишь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крамер М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103827-4

— Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... — привязчивая мелодия отдается в мозгу, висит на кончике языка, то и дело соскакивая, как конфетка-драже.

— Ма-а-ам! Хватит! — недовольный детский голос из соседней комнаты.

— Хорошо, милый, я уже перестала.

Коротко стриженная брюнетка встает из кресла-качалки на балконе, тушит в пепельнице сигарету и возвращается в просторную спальню. Черные смятые простыни напоминают о бурно проведенной ночи, на тумбочке — пустая бутылка из-под текилы и стакан с отпечатком красной помады. Женщина падает поперек постели, закинув за голову руки, и закрывает глаза. По лестнице кто-то поднимается, слышны твердые, уверенные шаги.

— Еще не вставала? — Возмущенный мужской голос выдергивает из охватившей все тело неги.

Женщина не открывает глаз, чувствуя, как рядом на кровать опускается такой родной и любимый человек, как его руки касаются лица, убирают со лба челку.

— Не надо, Джек...

— Господи, да ты хоть наедине не зови меня этой собачьей кличкой! — В голосе мужчины звучат недовольные нотки.

— Не могу, уже привыкла.

— Маринка, котенок... — начинает он, но женщина проворно переворачивается на живот и впивается в его рот поцелуем, не давая продолжить.

— Я Мэриэнн, дорогой... ты оговорился, да?

— Все, на хрен! Не могу больше! — Мужчина выворачивается из ее объятий и встает, распахивает окно настежь и морщится. — Проклятая страна, проклятый город, проклятый дом! Ненавижу это все!

Из их окна хорошо виден собор — величественное серое здание из камня, украшенное крошечными скульптурками святых. И сегодня вид его особенно раздражает мужчину. Этот собор — слишком местный, слишком не такой, как церкви на его родине, слишком английский. Как и вообще все здесь...

Брюнетка садится к самой спинке кровати, поджав под себя ноги, берет сигарету:

— Успокойся, Хохол. Можно подумать, мне тут отлично! Но я терплю. Между прочим, именно ты пригласил меня сюда.

Он резко разворачивается, в глазах едва сдерживаемая ярость.

— Да! Это я сделал, я! И только поэтому ты еще жива, ты — и наш сын!

Она сникает. Да, сын... сын, пятилетний Грегори. Егорка. Он сидит сейчас в своей комнате и гоняет по монитору компьютера танки. Если бы не сын, давным-давно бы все было по-другому...

Часть I

СПАСТИ САМОЕ ДОРОГОЕ

Три года назад. Россия

— Тихо, не ори! — Хохол резко встряхнул плачущего Егора, цеплявшегося за его спортивные брюки. — Иди к Даше, не мешай мне!

Мальчик обиженно всхлипнул и заковылял в сторону двери. Хохол даже не встал из-за стола, только покачал головой и продолжил перебирать бумаги. От цифр и непонятных слов болела голова, рябило в глазах, он совершенно ничего не понимал в этих отчетах, акциях и банковских счетах, но привлечь никого не мог — никто не должен знать. Зажмурив глаза и сжав пальцами переносицу, Хохол откинулся на спинку кресла и замер. Через час нужно позвонить в больницу Валерке, их «штатному» доктору, узнать, как дела у Марины, а сил нет. Страшно... так страшно, как никогда не было, даже на зоне, даже потом, когда смотрел в лицо смерти. Страшно, что во время очередного звонка Кулик произнесет фразу типа «Жека, я сделал все, что мог...». Нет, нельзя об этом, нельзя — Ветка, чертова ведьма, всегда говорила, что мысли материализуются. Даже она не в курсе, что Марина жива, даже домработница не знает, так и считает, что две недели назад похоронили они Марину Викторовну, а Егорка теперь сирота. Но так надо, потому что все еще жив брат Ашота, «заказавший» Наковальню. И этим тоже придется заняться ему, Хохлу, — потому что он мало кому может довериться. И еще так хочется заехать в больницу, хоть на секунду, просто посмотреть на Ма-

рину, коснуться ее щеки, пусть даже она не почувствует, не поймет... Но и этого нельзя. Хотя...

Решение созрело моментально — раз он не может пойти в больницу открыто, значит...

Услышав шум в кабинете на втором этаже, Даша, сунув Егора сидевшему на кухне охраннику Аскеру, бросилась туда и обнаружила Женьку, лежащего на полу.

— Господи, что случилось? — Она присела около корчившегося на ковре Хохла, и тот простонал:

— Прихватило что-то... болит — сил нет...

— Я сейчас Валерию Михайловичу позвоню, — заторопилась домработница, но Хохол поймал ее за брючину:

— Не надо его дергать... пусть пацаны машину выгоняют, сами поедем... Данила с тобой останется...

— Да, хорошо.

Даша побежала вниз, а Хохол сел на полу, спокойно дотянулся до пачки сигарет, закурил, прислонившись к ножке стола. Ну, да, обманул доверчивую Дашку, а что делать? Все должно быть натурально.

Через час он уже лежал на кушетке в приемном покое и делал вид, что вот-вот умрет от боли. Возле него стояли трое охранников и девочка-регистратор, заносившая данные в историю болезни. Наконец появился и Кулик, мельком глянул на искаженное мученической гримасой лицо пациента и распорядился:

— Сразу в хирургию, будем наблюдать.

— Пацаны... домой езжайте... — пробормотал Хохол. — С Дашки и Егора глаз не спускать — порву!

— Да поняли мы, Жека, — отозвался худой, черно-волосый Аскер. — Доктор, а он — надолго?

— В смысле? — не понял вопроса Кулик.

— Ну, Петрович наш надолго здесь?

— А-а! Это как пойдет. Если аппендицит — прооперируем, недельку полежит, если другое что — будет видно. Но в любом случае сегодня он здесь останется, мало ли.

Охрана покинула приемный покой, а Хохла уложили на каталку, и две молодые санитарочки с трудом покатали ее в хирургию.

— В сорок пятую его, в двухместку, — распорядился шедший следом Кулик. — Перекладывайте, я сейчас зайду.

Он удалился в ординаторскую, а Хохол, которого девчонки ввезли в пустую палату, сказал:

— Не надсаживайтесь, я сам, — и перебрался на кровать.

Оставшись один, он встал, прошелся туда-сюда по чистой, прохладной комнатке, потом приник ухом к стене — там, справа, в большой одноместной палате лежала Марина. Кулик организовал все очень грамотно, никому из персонала и в голову не приходило, что это та самая Наковальня. Она лежала под чужой фамилией, обритая наголо, похудевшая уже до неузнаваемости, с забинтованным лицом — на всякий случай. Но была жива — и на остальное Хохлу наплевать, только это важно.

За стеной ничего не происходило, никаких звуков не слышалось, да и как могло — Марина без сознания, шуметь некому. Дверь открылась, и в палату вошел Валерка, укоризненно покачал головой:

— Зачем встал?

— Не гони, Валера, со мной все в порядке.

— Я тебе покажу — в порядке! — загремел Кулик, поняв, что его повели. — Зачем приперся?!

— Валерка... я не могу... ты не представляешь, что это такое — знать, что она есть — и не видеть ее.

— Да?! А зачем тогда ты все это замутил?! — зашипел Кулик, приближаясь к нему вплотную. — Я каждый день вынужден объясняться с главным врачом по поводу того, что у меня в одноместке лежит невесть кто!

— Деньги-то я проплатил — пусть твой главный заткнется! — перебил Хохол, зло сверкнув глазами.

— Ты же понимаешь — то, что упало в больничную кассу, нашего главного волнует мало, — вздохнул Валерка, садясь на стул у окна.

— Я понял, — кивнул Женька. — Завтра пацаны привезут — отдашь ему, скажешь, нашлись родственники, но приехать не могут. И пусть больше рот не разевает, иначе грохну.

— Если бы все в жизни решалось так просто! Ну, что — пойдём? Сейчас у сестер пересменок, в коридоре никого, тебя не увидят. Ты ж на ночь собрался остаться, насколько я понимаю? — Хохол кивнул. — Ладно, придумаю что-нибудь, чтобы вас не трогали.

Кулик поднялся и пошел к двери, Женька проследовал за ним. Почти бесшумно он проскользнул за Валеркиной спиной в соседнюю палату, защелкнул замок и только после этого, набрав в грудь воздуха и выдохнув, повернулся к стоящей почти у самого окна кровати. Маринина голова была повязана белой косынкой, глаза, обведенные темными кругами, закрыты, ресницы чуть подрагивали. Обе руки привязаны к раме кровати, и эти брезентовые ленты привели Хохла в ярость. Он распутал узлы, освобождая тонкие запястья, взял правую руку в свои, поднес к губам:

— Котенок мой... здравствуй, любимая... это я, Женька.

Она не отреагировала, но Хохлу это было неважно,

он и не ждал. Главное, что она жива, пусть пока и не отвечает, не видит, не разговаривает.

До самой ночи Хохол возился с Мариной, менял постель, умывал, обтирал губкой. Часов около десяти зашел Кулик, осмотрел пациентку и сам подключил капельницу с белковой смесью.

— Валерка, что ж она так похудела? — грустно спросил Хохол, наблюдая за тем, как раствор каплями падает в прозрачную трубку, а из нее стекает в подключичный катетер.

Кулик промолчал. Спорить с Хохлом и возражать бесполезно — когда дело касалось Марины, тот вообще терял способность рассуждать здраво. Посидев еще немного, Валерка ушел к себе в ординаторскую, а Хохол осторожно прилег на край широкой кровати, обнял неподвижное тело Марины, уткнулся лицом в шею и застонал от собственного бессилия.

— Маринка, прости меня... не сумел тебя закрыть, не просчитал, не подумал... но косяк я исправлю, не успокоюсь, пока не накажу этого барана.

Ответа не было, Марина только судорожно вздохнула, и Хохол нежно поцеловал ее куда-то за ухо, поправил рукой сбившуюся косынку.

— Дома все хорошо, — продолжил он шепотом так, словно до этого у них шла оживленная беседа. — Егорка только плачет по ночам, спит со мной в спальне. Потерпи немного, котенок, я все устрою, и мы уедем. Ты поправишься, вот увидишь... все будет хорошо, Егор вырастет, в школу пойдет... И ты опять будешь самой красивой женщиной на свете, Маринка...

Хохол шептал ей это на ухо и чувствовал, как ее сердце бьется чаще. Значит, слышит.

— Господи, Коваль... если бы ты только знала, как мне страшно... Как я боюсь потерять тебя, как боюсь,

что никогда уже ты не будешь такой, как была... Хотя это не главное — лишь бы ты была, просто была — и все, мне больше ничего не надо. — Он гладил пальцами ее лицо и едва не плакал от захлестывающих эмоций.

Если бы было можно, он, не задумываясь, отдал бы свою жизнь за нее, только чтобы она не лежала вот так безмолвно и безучастно, чтобы снова улыбалась и орала на всех, наводя ужас на охрану. Он воскрешал в памяти каждый миг, когда был с ней, каждый взгляд, вздох, каждое слово. Если бы вернуть назад тот злополучный день, ту секунду, что разорвала все надвое...

«А горцев я все равно в распыл пушу, — продолжил Хохол свой монолог уже про себя. — Это несложно — надо только выследить Реваза. И тогда... мне даже Вилли не будет нужен».

Он уехал из больницы сразу после обхода — за ночь ему «стало лучше», и Кулик «счел возможным» отпустить его домой. Аскер привез конверт с деньгами, который Хохол опустил в карман халата Валерки. Тот понимающе кивнул.

Сев в машину, Хохол велел ехать к Бесу. Сидящий за рулем Степан удивился:

— Чего мы у него забыли?

— А я не успел тебе отчитаться? — рявкнул Хохол. — Совсем распустились! Думаете, если хозяйки нет, так все можно?! Теперь я вам хозяин!

— Ладно, не ори, Жека, — миролюбиво вмешался Аскер. — К Бесу так к Бесу.

До поселка ехали молча, Хохол постоянно курил, пытаясь представить разговор с Веткой. Как сделать так, чтобы она поверила и не протрепалась никому, даже собственному мужу? По опыту Хохол знал, что из Ветки что угодно можно вытрясти с помощью всего

двух ударов кулаком. Правда, по-настоящему влюбленный в Ведьму Бес вряд ли пойдет на такие крайние меры, однако...

К счастью, Беса дома не оказалось, Ветка была одна, сидела на балконе второго этажа и читала что-то. В руке дымилась неизменная коричневая сигарка. Хохол не понимал эту ее манеру курить сигары, было в этом что-то странное, вызывавшее в нем чувство неприязни. Курящие женщины его не раздражали, Коваль вообще в последнее время не выпускала из пальцев сигарету, но Веткины сигары бесили.

Заметив въехавшие во двор машины, Ведьма вскочила из кресла и скрылась в доме, а буквально через несколько минут возникла на крыльце.

— Жень!

На ее кукольном лице читалась непонятная Хохлу радость. Можно подумать, она искренне хотела его видеть и была в восторге! Если бы не Марина, ноги его не было бы в этом доме.

— Где же ты пропал, Женька? — стрекотала между тем Ветка, схватив его под руку и увлекая за собой в гостиную. — Не звонишь, не заезжаешь... Как Егорка?

— Плачет, — буркнул Хохол, садясь в кресло в прохладной комнате. — Попить налей — жарко.

Ветка метнулась к двери, крикнула домработнице, чтобы принесла минералку, потом развернулась и вперила в лицо Хохла прозрачные голубые глазищи:

— Церемония приветствия закончена. Говори, за чем приехал.

— К тебе.

— Ну, догадалась, что не к мужу моему, — фыркнула она, не трогаясь с места и продолжая глядываться в наливающиеся кровью глаза Женьки. — Что ты хочешь?

— Помощи. Мне больше не к кому обратиться, и к тебе не пошел бы, но выбора нет, — вздохнул он и замолчал — на пороге показалась молоденькая девушка с подносом, на котором возвышались запотевшая бутылка минералки и стакан.

Домработница опустила поднос на столик возле кресла, в котором сидел Хохол, откупорила бутылку и налила пузырящуюся жидкость в стакан.

— Я нужна еще, Виола Викторовна?

— Нет, Настя. Григорий Андреевич приедет поздно, ужинать мы будем сами. Когда закончишь все свои дела, можешь ехать в город, если хочешь.

Девушка ушла, а Хохол залпом влил в себя минералку и, отставив стакан, попросил:

— Сядь, не отсвечивай. И глаза не пяль — бесполезно. Если не захочу, чтобы ты знала, так и не заставишь.

Виола коротко хохотнула, но буравить Хохла глазами перестала, села в кресло напротив и закинула ногу на ногу.

— Так я слушаю.

— Словом... Ветка, мне нужна твоя помощь, иначе Коваль умрет по-настоящему, — выдохнул Женька.

Виола подалась к нему и прошипела:

— Спятил, болезный?! А кого мы похоронили две недели назад, не Коваль твою разве?!

— Т-с-с! Тихо! — Он метнулся вперед и закрыл ее рот ладонью. — Никто этого не знает, только я, доктор и человек, помогавший мне гримировать труп. Ты — четвертая, но если появится кто-то еще — будешь первой, кого я грохну, усекла?!

Зная, что Хохол может шутить чем угодно, кроме обещания убить, Ветка замолчала и кивнула.

— В общем, так. Маринка в коме, под чужим име-

нем, лежит в хирургии у Валерки. Похоронил я проститутку, выпавшую из окна, загримировали ее с Вилли, одели — и порядок. Теперь мне нужно вывезти Коваль из страны, совсем увезти, понимаешь? — Хохол посмотрел на Ветку, и та кивнула. — Но пока я тут все дела переделаю, она у меня умрет в этой больнице, ей уход нужен, а я не могу никому это поручить, и сам не могу туда приезжать — спалю ее и сам спалюсь. Я сегодня там ночевал, так для этого пришлось приступить аппендицита изобразить... чего ты ржешь, дура? А как еще я мог туда попасть?

Ветка хохотала, скорчившись в кресле, и Хохол тоже не выдержал, фыркнул.

— Ох, аферист ты, Женя! — выдохнула наконец Виола, перестав смеяться. — Но как ты одурачил всех, а? Ведь Колька, племянник-то, на похоронах был и Мышка... Да и я ничего не заподозрила, хотя было у меня ощущение, что Маринка не умерла, вот прямо до сегодняшнего дня я чувствовала, что она жива.

— Ну, ты у нас на то и Ведьма, — поддел Хохол.

— Ой, да ладно! — скривилась Ветка. — Значит, сумел все-таки убедить всех, что ее убили... Молодец... а дальше что?

Хохол тяжело вздохнул. У него был план, но на его осуществление нужно было время, а с этим, как всегда, проблемы. Вывезти Марину в Англию, как он планировал, большого труда не составило бы, но потом ему пришлось бы возвращаться сюда, чтобы закончить все дела, связанные с продажей домов, корпорации, фирмы. А это означало — оставить Коваль и ребенка одних в чужой стране, с чужими людьми. Поэтому уезжать нужно только всем вместе.

— Ладно, не хочешь говорить, тянуть не стану, —